

Военное строительство

О военной политике и военной доктрине Китая

© 2014

П. Каменнов, А. Клименко

Рассматриваются документы и материалы, на основе которых формируется военная политика и военная доктрина КНР. Поднимается вопрос о реальности заключения китайско-российского военно-политического союза. На основании анализа уже заключенных российско-китайских договоров и соглашений авторы приходят к выводу о том, что в ближайшей перспективе такой необходимости нет.

Ключевые слова: военная доктрина, военная политика, абсолютный контроль над армией со стороны КПК, стратегия «активной обороны», программа модернизации, военные расходы, невоенные операции, военно-политический союз.

Особенностью информационной среды современного Китая по военно-политическим проблемам является отсутствие в открытой печати полного текста военной доктрины КНР как официального документа. Информация по данному вопросу носит отрывочный характер и складывается из отдельных положений, содержащихся в Белой книге Национальная оборона Китая, в материалах съездов КПК, сессий ВСНП, а также в некоторых научных периодических изданиях. Но эти положения составляют основы военной доктрины государства, так как они представляют собой те базовые военно-политические и военно-стратегические установки, из которых вытекают требования к подготовке страны и ее вооруженных сил к возможной войне.

К основам военной доктрины, как правило, относятся: оценка военно-политической обстановки и угроз военной безопасности, прогнозирование характера возможных войн и вооруженных конфликтов, подготовка к ним страны и ее вооруженных сил, способы защиты ее суверенитета, территориальной целостности, населения, материальных и других ценностей от посягательств агрессора. Таким образом, военная доктрина является важнейшей составной частью и официальным отражением проводимой тем или иным государством военной политики.

При оценке степени внешней военной угрозы и определении основных направлений военной политики в Китае исходят из того, что роли стран и соотношение сил в мировой политике не остаются постоянными, поэтому следует быть готовым к любым

Каменнов Павел Борисович, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН. E-mail: Kamenov@ifes-ras.ru.

Клименко Анатолий Филиппович, кандидат военных наук, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН. E-mail: Klimenko@ifes-ras.ru.

изменениям международной обстановки, в том числе — в неблагоприятном для Китая направлении.

Важное место в военно-доктринальных взглядах КНР занимают вопросы обеспечения внутривнутриполитической стабильности, вызванные негативными последствиями рыночных преобразований, а также проблемы борьбы против «трех сил зла» — сепаратизма, терроризма и экстремизма.

Оценка внешних угроз военной безопасности Китая

Согласно китайским взглядам международная обстановка в сфере военной безопасности характеризуется сложностью и противоречивостью мировых процессов. Наряду с тем, что в отношениях между странами доминирующими тенденциями продолжают оставаться мир и развитие, усиливаются факторы неопределенности и нестабильности. Налицо тенденция нарастания как традиционных, так и нетрадиционных угроз, в число которых в последнее время, наряду с терроризмом, пиратством, сепаратизмом и экстремизмом, вошли проблемы безопасности в сфере энергетики, ресурсов, финансов, информации, международных транспортных коммуникаций.

К факторам нестабильности китайские военные теоретики относят прежде всего сохраняющийся нерациональный и несправедливый порядок в мире в сфере политики и экономики. В условиях глобализации это ведёт к увеличению разрыва между развитыми и развивающимися странами, новым проявлениям гегемонизма и политики с позиции силы, обострению соперничества между странами в борьбе за природные ресурсы планеты.

Серьезную озабоченность в Пекине вызывает развитие в международных отношениях таких негативных тенденций, как попытки ослабить роль ООН и ее Совета Безопасности в урегулировании конфликтных ситуаций в мире и регионах, укрепление и расширение военных блоков, подмена международного права силовым давлением вплоть до военного, использование тезиса о «превосходстве прав человека над суверенитетом» и теории «гуманитарного вмешательства» для посягательств на суверенные права независимых государств¹.

Обстановка на востоке Евразии характеризуется двумя противоположными тенденциями. С одной стороны — укрепление факторов стабильности. Экономика стран региона продолжает развиваться высокими темпами, а в отношениях между ними складывается атмосфера открытого и взаимовыгодного сотрудничества, основанного на равенстве и использовании многообразных форм взаимодействия. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) вступила в новый этап своего развития и вносит существенный вклад в установление новой модели межгосударственных отношений. Организация АСЕАН достигла прогресса как в строительстве и консолидации своих структур, так и в переговорах относительно создания зон свободной торговли с другими странами. В целом сотрудничество стран Восточной Азии, осуществляемое через механизм АСЕАН плюс КНР, Япония и Южная Корея (10+3), расширяется и играет весьма существенную роль в обеспечении мира, стабильности и процветания в регионе. С другой стороны, нарастают факторы, осложняющие ситуацию. С 2001 г. США ускоренными темпами ведут перестройку военной структуры с целью оптимизировать глобальную систему базирования и привести ее в соответствие с новой обстановкой, сложившейся после холодной войны. Прежний принцип передового базирования, предполагающий содержание большого количества войск на базах, находящихся на большом удалении от США, меняется на принцип быстрого развертывания, согласно которому создается структура, позволяющая своевременно реагировать на внезапные осложнения обстановки в любых районах мира. Стремление Китая развивать конструктивный диалог с США по проблемам военной безопасности встречает противодействие в виде политики «сдерживания» Китая, направленной на сохранение доминирующего положения США в АТР.

Ситуация в отношениях с соседними государствами оценивается в КНР как благоприятная. Между Россией и Китаем подписан ряд документов по юридическому оформлению российско-китайской государственной границы, а именно: Соглашение о границе на ее Восточной части (1991 г.), Соглашение о границе на ее Западной части (1994 г.), дополнительное Соглашение о границе на ее Восточной части (2004 г.) и дополнительный Протокол-описание линии российско-китайской границы на ее восточной части (2008 г.). Последним соглашением (2004 г.) и протоколом-описанием к нему определена линия границы в районе острова Большой в верховьях р. Аргунь и островов Тарабаров и Большой Уссурийский, расположенных при слиянии рек Амур и Уссури вблизи Хабаровска². В целом, в 2008 г. договорными документами завершено определение государственной границы между двумя странами на всем ее протяжении. В последние годы последовательно активизируется российско-китайское сотрудничество во всех сферах — экономической, политической, гуманитарной и в области безопасности.

В отношениях Китая с Индией (несмотря на наличие разногласий по вопросу спорных территорий общей площадью 130 тыс. кв. км в районе Ладакха на севере Индии штаты Джамму и Кашмир и по так называемой линии МакМагона на северо-востоке страны в штате Аруначал-Прадеш) преобладает тенденция к развитию стратегического партнерства. В соответствии с «Совместным обзором КНР и Индией перспектив в XXI века» от 2008 г. стороны приняли обязательство «путем поддержания устойчивых контактов в оборонной сфере непрерывно содействовать строительству мер доверия» и заявили о своей твердой приверженности «курсу на разрешение чувствительных китайско-индийских разногласий, включая вопрос о границе, путем мирных переговоров параллельно с обеспечением того, чтобы активное развитие двусторонних связей не подпадало под влияние этих разногласий».

Вместе с тем в оценках индийской военной политики со стороны КНР просматриваются и элементы беспокойства. Так, согласно китайским оценкам, на современном этапе Индия обеспечивает свой статус крупной региональной державы путем осуществления стратегии «сдерживания и возмездия» в отношении многочисленных угроз, в числе которых — усиление военной мощи соседних государств, международный терроризм, региональные вооруженные конфликты, внутренние конфликты, а также политика вмешательства внешних сил в регионы Южной Азии и Индийского океана. Индия усиливает свой потенциал сдерживания обычными (неядерными) средствами, придерживаясь принципа внезапных упреждающих действий и стремясь к реализации таких стратегических целей, как установление эффективного контроля за ситуацией в регионе Южной Азии и в Индийском океане³.

Отношения Китая с южным соседом — Вьетнамом ныне строятся на основе принятой в 2000 г. формулы 16 «золотых» иероглифов: «Добрососедство и дружба, всестороннее сотрудничество, долговременная стабильность, ориентация на будущее». После длительных и весьма сложных переговоров подписаны важные соглашения о сухопутной границе и о делимитации акватории Тонкинского залива⁴. Вместе с тем, на практике конфликтная ситуация, вызванная спорами между двумя государствами о принадлежности островных зон, сохраняется.

Сложными продолжают оставаться отношения Китая с Японией. Предпринимаемые обеими сторонами меры к улучшению отношений в политической сфере в связи с активизацией китайско-японских торгово-экономических связей не получают развития, поскольку военная политика Японии, по оценке Пекина, противоречит интересам КНР. В Китае отмечают, что согласно Белой книге Национальная оборона Японии от 2007 г. одной из фундаментальных задач японских сил самообороны является оказание содействия США в осуществлении ими военных акций, что означает расширение операционной зоны сил самообороны и их подготовку к действиям за пределами национальных границ. В начале 2007 г. Япония повысила статус управления сил самообороны до министерства обороны⁵.

Значительное внимание в доктринальных установках КНР уделяется военной политике США, в которой все чаще проскальзывают антикитайские акценты. В Вашингтоне полагают, что в отличие от Европы в Азиатско-Тихоокеанском регионе сохраняются факторы нестабильности, присущие периоду холодной войны, а именно: потенциально опасные проблемы Корейского полуострова и Тайваньская проблема, в особенности же — усиливающийся Китай. Согласно национальной военной стратегии США от 2012 г. Вашингтон намерен переориентировать имеющиеся ресурсы на АТР, поскольку усиление Китая содержит потенциальную угрозу безопасности и экономике США⁶. Ввиду этих угроз считается, что вооруженные силы США в регионе должны быть готовы как к выполнению задачи сдерживания, так и к быстрому реагированию. В число мер, предпринимаемых Вашингтоном в связи с этим, входят: повышение способности группировки вооруженных сил США к нанесению ударов высокоточным оружием за счет усиления ВВС, развертывание в Тихом океане еще одной авианосной ударной группы; повышение эффективности системы стратегических перебросок в регион сил и средств усиления, обеспечение совместных действий разнородных сил⁷.

Утверждение США о способности КНР в перспективе бросить вызов гегемонии США в регионе встречает решительное неприятие со стороны Китая. В Пекине, утверждают, что военная модернизация в КНР служит объективным потребностям национальной безопасности и развития страны, является позитивным фактором поддержания мира и стабильности в регионе и в конечном итоге отвечает интересам мирового сообщества, в чем должны быть заинтересованы и США⁸.

Остро негативную реакцию Пекина вызвало включение в одобренный конгрессом США Закон о национальной обороне США на 2013 фин. год положений, касающихся Тайваня и островов Дяоюйдао, ныне принадлежащих Японии. Это было воспринято китайской стороной как вмешательство США во внутренние дела КНР⁹.

В числе других препятствий — участие США в модернизации вооруженных сил Тайваня, в частности, состоявшееся в январе 2010 г. решение США о поставке Тайваню крупных партий вооружений на сумму 6,4 млрд долл.¹⁰, продолжающаяся интенсивная разведывательная деятельность США в акватории Южно-Китайского моря, а также — внутренние законы, такие как Закон США о национальной обороне на 2000 фин. год, содержащий Поправки Делэя, которыми введены ограничения на налаживание военных контактов с Китаем в 12 областях¹¹.

Не могут не вызывать беспокойства в Пекине такие направления военной политики Вашингтона, как усиление военных связей с Японией и другими союзниками США в регионе; стремление еще глубже вовлечь в сферу своего влияния государства-партнеры США, включая страны Юго-Восточной Азии и Индию; формирование многослойной системы отношений с союзниками, способствующей более активному использованию в американских интересах Восточно-Азиатского саммита и других региональных институтов.

Согласно видению Китая США преследуют цель обновления военных союзов в регионе и сохранения их дееспособности в условиях происходящих в мире изменений. Наряду с системой двусторонних военных союзов в регионе Вашингтон намерен выстраивать трехсторонние военные союзы, такие как США—Япония—Южная Корея, США—Япония—Австралия, США—Япония—Индия, используя при этом в своих целях растущую озабоченность соседних с Китаем стран ускоренной модернизацией китайских вооруженных сил¹². Одной из мер в данном направлении является заключение соглашения с Австралией о размещении ВС США на военной базе «Дарвин», расположенной на Северных Территориях (административная единица в составе Австралии).

По оценке китайских аналитиков, не существует причин, которые позволяли бы полагать, что перечисленные меры, осуществляемые США — державой, превосходящей Китай в военном отношении, не направлены против Китая; поэтому Китай вынужден в качестве ответной меры повышать возможности своих вооруженных сил¹³.

Следует отметить, что наряду с этими негативными факторами, обостряющими военно-политическую ситуацию в АТР, в китайско-американских отношениях по военной линии присутствуют и некоторые позитивные моменты. К их числу можно отнести действующий механизм китайско-американских консультаций по проблеме военной безопасности на море, в рамках которого стороны регулярно проводят контакты по обмену информацией с целью избежать неожиданных инцидентов на море. Проводятся совместные учения по отработке методов борьбы с пиратами, проведению спасательных операций, оказанию гуманитарной помощи и ликвидации последствий стихийных бедствий¹⁴. В текущем году военно-морские силы Китая впервые примут участие в международных военно-морских учениях RIMPAC, которые организуются ВМС США.

В настоящее время ведется подготовка к принятию Китаем и странами АСЕАН Кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море. В июле 2011 г. в ходе встречи министров иностранных дел КНР и стран АСЕАН на о. Бали (Индонезия) стороны утвердили Основные принципы Кодекса, предполагающие отказ от применения силы при возникновении спорных ситуаций и разрешение противоречий исключительно мирными средствами. Переговоры о подготовке документа велись между Китаем и странами региона в течение нескольких лет с момента принятия в ноябре 2002 г. в Пномпене Декларации о поведении сторон в Южно-Китайском море¹⁵, имеющей рекомендательный характер. На нынешнем этапе препятствием на пути к выработке Кодекса является отсутствие единой позиции стран-членов ассоциации для ведения переговоров с Китаем из-за различающихся приоритетных проблем каждой из стран. Ассоциация стоит перед трудноразрешимой проблемой выработки такого варианта Кодекса, который устроил бы как Пекин с Вашингтоном, так и все государства—члены Ассоциации, при том что Китай стремится не допустить подключения Вашингтона к проекту Кодекса¹⁶.

Наряду с традиционными вызовами национальной безопасности КНР, в Пекине особо выделяют целый ряд многообразных угроз и вызовов нетрадиционного характера, из которых особое место занимают «три силы зла» — сепаратизм, терроризм и экстремизм. Угрозу суверенитету и национальной безопасности Китая представляют сепаратистские силы, выступающие за независимость Тайваня, независимость Восточного Туркестана, независимость Тибета¹⁷.

Окончательное решение тайваньской проблемы на условиях КНР по принципу «одна страна — две системы» рассматривается в Пекине как важнейший шаг в направлении завершения «воссоединения нации» после возвращения под юрисдикцию КНР Гонконга и Макао в 1997 и 1999 г. соответственно. Развитие этих идей нашло отражение в принятом ВСНП КНР Законе КНР о противодействии расколу государства¹⁸ от 14 марта 2005 г. В нем определены те условия, при которых Китай намерен применить «немирные и другие необходимые меры для защиты своего суверенитета и территориальной целостности» (ст. 8), в частности: 1) если сторонники «независимости Тайваня» тем или иным способом добьются фактического отторжения Тайваня от Китая; 2) если произойдут крупные события, влекущие за собой отторжение Тайваня; 3) если возможности мирного воссоединения будут полностью исчерпаны.

Следует отметить, что сформулированные в Законе «условия» достаточно неопределенны и, следовательно, дают Пекину широкие возможности для их истолкования и выбора момента для ввода в действие «немирных и других необходимых мер». Вместе с тем следует отметить, что согласно ст. 9 Закона, в случае применения указанных мер государство «приложит максимум усилий для защиты жизни, имущества и других законных прав и интересов тайваньских граждан и граждан других государств на Тайване».

Очевидно, что намерение Пекина решить тайваньскую проблему по принципу «одна страна — две системы» входит в противоречие с интересами США и Японии, стремящимися, опираясь на Тайвань, усилить свое присутствие в АТР, где складывается новый центр мировой политики и экономики. Уже в настоящее время в регионе произво-

дится более половины мирового ВВП. Между тем, по японским оценкам, в случае поглощения КНР экономически высокоразвитого Тайваня Китай получит возможность контролировать западную часть Тихого океана, включая международные морские коммуникации в Южно-Китайском море, что распространит его влияние на всю Юго-Восточную Азию и позволит бросить вызов господствующему положению США в этой части мира. Таким образом, стратегическим интересам США и Японии будет нанесен серьезный ущерб¹⁹. Напротив, сохранение или усиление статуса Тайваня как независимого от Китая образования оказало бы сдерживающее воздействие на возможности Пекина проецировать силу в пределах АТР, в то время как США сохранили бы за собой стратегический плацдарм, прилегающий к прибрежным экономическим центрам КНР.

Победа на президентских выборах на Тайване 2008 и 2012 г. представителя оппозиционной партии Гоминьдан Ма Инцзю привела к смягчению напряженности и развитию отношений сотрудничества между двумя берегами тайваньского пролива. Вместе с тем эта победа не означает начала движения в направлении мирного объединения, поскольку позиция Ма Инцзю заключается в сохранении статус-кво.

В Китае сознают, что военное решение тайваньского вопроса в своей основе зависит от эффективности предотвращения американского вмешательства, поэтому военное руководство страны на первый план выводит борьбу с авианосными ударными группами США, что, в свою очередь, находит отражение в направленности модернизации китайских ВМС и ВВС.

Очевидно, однако, что вероятность вооруженного конфликта в Тайваньском проливе зависит не только от соотношения военных потенциалов, но в гораздо большей степени — от внутривнутриполитической ситуации в Китае и на Тайване, их отношений с Вашингтоном, а также от оценки обеими сторонами возможных последствий такого конфликта как во внутривнутриполитической, так и во внешнеполитической плоскости. Сдерживающим фактором для Китая является позиция США, Японии, стран ЕС и Австралии, решительно выступающих против решения тайваньской проблемы военным путем. В Пекине понимают, что развязывание против Тайваня полномасштабной войны в связи с возможным участием в конфликте США может обернуться для КНР катастрофой как в политическом и торгово-экономическом, так и в чисто военном плане. Политическая изоляция и экономические санкции со стороны США и ориентированных на них стран против Китая в этом случае могут оказаться гораздо более серьезными, чем те, которые применялись после событий 1989 г. в Пекине, и иметь самые негативные последствия для реализации национальной стратегии КНР.

В последние годы появились серьезные основания полагать, что Пекин не заинтересован в решении тайваньской проблемы с использованием военной силы. Об этом говорит тот факт, что Законом КНР о противодействии расколу государства от 2005 г. определен широкий комплекс мер такого противодействия, которое по существу направлено на интеграцию Тайваня и материкового Китая мирными средствами. В их число входят: обмен персоналом в интересах лучшего взаимопонимания и укрепления доверия; экономическое сотрудничество; обмены в области образования, подготовки управленческих кадров, науки, культуры, здравоохранения, спорта и т.д. Неурегулированность политических отношений не препятствует развитию торгово-экономических связей между двумя берегами Тайваньского пролива. Материковый Китай прочно утвердился в качестве главного торгового партнера Тайваня и основного получателя его инвестиций.

Заслуживает особого внимания тот факт, что в материалах XVIII съезда КПК, так же как и в материалах предыдущего XVII съезда, отсутствует тезис о возможности использования вооруженных сил в интересах решения тайваньской проблемы. Новым моментом здесь явилось сделанное в свое время заявление Ху Цзиньтао XVIII съезду о предложении Тайбэю обсудить заключение мирного соглашения между двумя странами посредством консультаций. За последние годы набирает силу тенденция улучшения отношений между

Пекином и Тайванем, в частности, установлены прямые почтовые, транспортные и торговые связи, подписано соглашение об экономическом сотрудничестве²⁰. Объем торговли между двумя сторонами в последние годы сохраняет устойчивую тенденцию к росту: в 2010 г. — 145 млрд долл., в 2011—160, в 2012—169,²¹ в 2013 г. — 197 млрд долл.²²

Во внутривнутриполитическом плане особую озабоченность руководства КНР вызывает активизация и расширение масштабов деятельности на территории Китая и за его пределами сепаратистской организации «Исламское движение Восточного Туркестана», целью которой является создание на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) КНР, а также других государств Центральной Азии (ЦА), прежде всего, Казахстана, Киргизии и Узбекистана, имеющих значительные уйгурские диаспоры, независимого государства «Уйгуристан». В намерения сепаратистов входит установление контроля над местными природными ресурсами, а также над транспортными коридорами из Китая в Европу и строящимися газо- и нефтепроводами в центральные районы Китая. Этому движению удалось не только добиться одобрения и финансовой поддержки уйгурских диаспор в Центральной Азии и странах Запада, но и создания в них собственных структур. В последние годы организация принимает на вооружение террористические методы достижения поставленных целей. В ее составе имеется до 600 боевиков, прошедших подготовку в Афганистане, Таджикистане, Пакистане и Чечне. Наиболее масштабными выступлениями уйгуров стали июльские события 2009 г. в г. Урумчи (СУАР), в ходе которых погибли 186 человек, 1000 человек были ранены, а 1400 участников выступлений арестованы.

На фоне «цветных революций» и гражданских войн на Ближнем Востоке и Украине проблема сепаратизма СУАР рассматривается Китаем не только как проблема внутренней политики страны, но и как угроза безопасности всей Центральной Азии. Именно этой проблеме постоянно уделяет большое внимание Шанхайская организация сотрудничества — региональная международная организация, основанная в 2001 г. лидерами Китая, России, Казахстана, Таджикистана, Киргизии и Узбекистана. По инициативе Пекина в рамках деятельности ШОС по обузданию «трех сил зла» (сепаратизм, терроризм и экстремизм) и обеспечения региональной безопасности подписана Конвенция о борьбе с этими явлениями. Налажено тесное взаимодействие между спецслужбами стран ШОС, составлены списки террористических организаций и лиц, на основании которых казахстанские и киргизские власти выдали Китаю ряд уйгурских боевиков²³.

Серьезной проблемой для руководства КНР продолжают оставаться акции протеста тибетцев против политики центральной власти по борьбе с тибетским сепаратизмом, организуемые «Движением за свободный Тибет» и поддерживаемые различными общественными организациями и общественными деятелями других стран. В основе движения лежит протест против распространения на данный регион политического контроля Центра. Напряженную ситуацию стремятся использовать в своих геополитических интересах США, Индия и Непал, которые рассматривают территорию Тибета как плацдарм для установления контроля над границами и тылом Китая²⁴.

Согласно китайским оценкам, существуют две главные проблемы международной борьбы с терроризмом. Первая — переоценка значения военного фактора. Возглавляемая США антитеррористическая борьба ограничена военными ударами и потому не привела — и не может привести — к коренному решению проблемы. Практика показывает, что чем больше военных усилий предпринимается в этом направлении, тем большую силу набирает терроризм. Причины подъема и распространения терроризма имеют сложную структуру и обусловлены рядом факторов, таких, как исторический, политический, экономический, этнический, религиозный и другие, которые должны учитываться в антитеррористической борьбе. И вторая: международное сообщество испытывает трудности в формировании универсальных антитеррористических сил. Вплоть до настоящего времени в мировом сообществе существуют серьезные различия в определении терроризма, его источников, этнических и религиозных мотивов. ООН оказалась неспособной

взять на себя руководящую роль в решении проблем антитеррористической борьбы. Международное сотрудничество в данной области остается ограниченным. Этому способствует политика двойных стандартов в антитеррористической борьбе, принятая странами Запада во главе с США: с одной стороны, они противодействуют терроризму, представляющему угрозу им самим, а с другой — поддерживают террористические организации, действующие в других странах. Кроме того, применение США в Ираке и Афганистане авиации и других мощных средств поражения ради сокращения собственных потерь в живой силе ведет к росту жертв среди мирного населения, что укрепляет базу террористических организаций. Все это приводит к заключению, что ситуация в антитеррористической борьбе в ближайшей перспективе будет оставаться напряженной²⁵.

Одним из важных направлений военной политики Китая на современном этапе является расширение присутствия китайских военно-морских сил в Индийском океане. Цель — обеспечение безопасности путей транспортировки импортируемой нефти морским путем, а также осуществление контроля за обстановкой в регионе ЮВА на случай возможного вооруженного конфликта вокруг Тайваня с вмешательством США или обострения территориального спора о принадлежности Парасельских островов и архипелага Спратли. Предпринимаются меры по расширению и модернизации системы базирования китайских ВМС в операционной зоне Южного флота. Следует отметить, что в последние годы зависимость экономики Китая от импорта нефти продолжает возрастать. В 2013 г. его объем достиг 282 млн т²⁶, что существенно выше объема добычи нефти в том же году в самом Китае — 210 млн т²⁷. Согласно прогнозам Министерства промышленности КНР, в 2015 г. степень зависимости страны от импорта нефти достигнет 60%, а к 2020 г. приблизится к 65%²⁸.

С целью расширения возможностей транспортировки нефти в КНР, минуя Сингапурский и Малаккский проливы, Китай создает в зоне Индийского океана сеть опорных пунктов для ВМС и ВВС НОАК от о. Хайнань в Южно-Китайском море до Юго-Западной Азии (стратегия, получившая в США наименование «нить жемчуга»)²⁹.

Наряду с выполнением главной функции по защите суверенитета и территориальной целостности страны, НОАК расширяет свое участие в **невоенных операциях по поддержанию мира** и укреплению международной безопасности. Они включают антипиратские и антитеррористические операции, миссии по оказанию гуманитарной помощи и ликвидации последствий стихийных бедствий, миротворческие миссии под эгидой ООН, операции по защите морских проливов и по защите космических объектов. По состоянию на декабрь 2012 г. 1842 военнослужащих НОАК принимали участие в исполнении миротворческих задач в 9 зонах ответственности ООН. Кроме того, к концу 2012 г., согласно резолюциям ООН и с согласия переходного правительства Сомали, силами ВМС НОАК была осуществлена проводка и обеспечена защита от пиратов 4984 китайских и иностранных судов в Аденском заливе и акватории, прилегающей к Сомали. С 2002 г. личный состав НОАК 36 раз принимал участие в выполнении срочных международных гуманитарных и спасательных заданий, оказав помощь 27 пострадавшим странам³⁰.

С учетом наличия в КНР дестабилизирующих внутренних факторов, наряду с выполнением внешних функций по защите страны, армия используется военно-политическим руководством страны **в качестве инструмента по обеспечению внутривнутриполитической стабильности**.

Согласно Закону КНР о государственной обороне 1997 г., для поддержания общественного порядка предусматривается использование не только полицейских формирований, но и НОАК и народного ополчения (ст. 22). Наиболее интенсивно развивающиеся мобильные силы НОАК, наряду с оборонительными действиями по периметру государственной границы в рамках концепции «быстрого реагирования», предназначены и для оказания поддержки полицейским формированиям в обеспечении внутренней безопасности и общественного порядка.

В последние годы эти функции НОАК стали весьма актуальными также ввиду роста в Китае числа социальных инцидентов, вызванных негативными последствиями рыночных преобразований. В первую очередь это имущественная дифференциация, сокращение посевных площадей, связанное с индустриализацией и развитием инфраструктуры, обострение экологических проблем и другие. Хотя КПК реагирует на эти процессы политикой «усиления и обновления социального регулирования» в последнее десятилетие количество социальных инцидентов, согласно японским оценкам, из года в год растет. В 2003 г. их было 60 тыс., в 2004—74 тыс., в 2000—87 тыс., в 2008—127 тыс., в 2010 г. — 180 тыс. Причем протесты охватывают не только сельское население, как было вначале, но и городских жителей³¹.

Оценка изменений, происходящих в военной сфере, и их влияние на военное строительство в КНР

Согласно китайским оценкам, военный фактор продолжает играть все возрастающую роль в мировой политике. Под влиянием охватившей весь мир революции в военной области формы ведения войны претерпевают коренные изменения и характеризуются переходом от механизации к информатизации. Развитые страны вносят соответствующие изменения в свои стратегии национальной безопасности, форсируют переоснащение армий высокотехнологичными вооружениями и военной техникой, ведут разработку новых военных доктрин. В результате существующий дисбаланс в военной области между развитыми и развивающимися странами увеличивается, а роль военного фактора в обеспечении национальной безопасности возрастает.

В Китае полагают, что мировая революция в военном деле является продуктом перехода от эры индустриализации к эре информатизации и отражает всеобщее соперничество совокупной национальной мощи государств в военной области. Этот процесс обусловлен следующими явлениями³².

1. Всеобщий прорыв в сфере новых и «высоких» технологий, в первую очередь, информационных, составляющих основу нынешних изменений в военном деле. Быстрое развитие современной науки и технологий оказывает глубокое влияние на военные концепции, возможности технических средств, формы вооруженной борьбы. Так, широкое применение новых информационных технологий позволило повысить объем информации, передаваемой по линиям связи, более чем в 10 тыс. раз; довести точность попадания ракетного оружия до нескольких метров, а разрешающую способность разведывательных спутников — до нескольких дециметров.

2. В качестве движущей силы революции в военном деле выступают масштабные изменения в глобальной стратегической ситуации, вызванные распадом биполярной структуры после окончания холодной войны и нарастанием конфликта между тенденциями к однополярному миру во главе с США и многополярному миру. США, обладающие наибольшей совокупной национальной мощью, стремятся обеспечить себе абсолютное превосходство в военной области. За ними следует ряд развитых стран, увеличивающих ассигнования на исследования и разработку новых видов высокотехнологичных вооружений и осуществляющих изменения своей военной структуры на новом витке соперничества. В этой гонке участвуют и многие развивающиеся страны.

3. Катализатором изменений в военном деле служат непрекращающиеся локальные войны и вооруженные конфликты, количество которых после окончания холодной войны существенно возрастает. Китайские военные теоретики отмечают, что революция в военном деле ведет к созданию качественно новой военной системы, которая характеризуется высокой степенью интеграции всех образующих ее компонентов и влечет за собой глубокие изменения в области вооружений и военной техники, организационных

структур, военных доктрин, боевой подготовки, тылового обеспечения³³. При этом особо выделяются следующие моменты.

1. Вооружения и военная техника становятся все более высокоточными. Войска, оснащенные электронными средствами, обладают большими возможностями по сбору информации о противнике в зоне боевых действий, принятию своевременных и адекватных решений и нанесению ударов высокоточным оружием. Их боевая эффективность повышается в среднем на 50–60%, а операционная зона расширяется более, чем в 3 раза. Опыт войны в Ираке, Афганистане и в операциях вооруженных сил западных стран в Северной Африке и на Ближнем Востоке показал, что различные типы высокоточного оружия, оснащенного информационными системами и искусственным интеллектом, становятся основной огневой и ударной силой на поле боя. В последние годы многие страны активно ведут разработку вооружения и снаряжения с искусственным интеллектом, например беспилотные средства, что способствует углублению интеграции информационных систем в вооруженные силы.

2. Командование и оперативное управление все более приближаются к реальному масштабу времени. Начиная с 1960-х—1970-х годов многие страны ведут разработку компьютерных систем управления вооруженными силами, объединяющих разведку, командование, оперативное управление и наблюдение в зоне боевых действий, а в последнее время — функцию уничтожения противника. Целью таких систем является обеспечение непрерывного автоматизированного взаимодействия всех ее звеньев на всех этапах функционирования — от обнаружения до уничтожения противника.

3. Структура вооруженных сил становится более адекватной новым условиям их боевого применения. Основной тенденцией строительства вооруженных сил является сокращение численности личного состава сил общего назначения при одновременном увеличении высокоточных вооружений и соответствующих подразделений обслуживания, что в итоге приводит к созданию сравнительно компактных многофункциональных вооруженных сил, построенных по модульному принципу и готовых к гибкой реорганизации и быстрому реагированию при выполнении, как военных, так и невоенных операций.

4. Современная война представляет собой совокупность согласованных действий разнородных сил. Войсковая операция сопровождается действиями сил специального назначения; психологическими операциями; «информационной войной», в частности, противодействием функционированию сетей связи и управления оружием; подрывными действиями средств массовой информации — с идеей достижения целей войны в кратчайшие сроки.

5. Война будущего будет вестись в многомерном пространстве, включающем сушу, море, воздух, космос и электронную среду. Вооруженная борьба на стратегическом, оперативном и тактическом уровнях развернется одновременно на всю глубину зоны боевых действий.

Границы между фронтом и тылом становятся размытыми, темпы боевых действий возрастают, а продолжительность войны сокращается. Основным средством обеспечения боевых действий в эпоху информатизации становятся системы с элементами космического базирования.

Учитывая указанные выше факторы, военно-политическое руководство страны предпринимает меры по ускорению модернизации НОАК с акцентом на информатизацию и компьютеризацию войск и сил флота, усиление боевых возможностей вооруженных сил в целом за счет повышения эффективности взаимодействия видов вооруженных сил и родов войск в совместных операциях. Конечная цель при этом заключается в создании вооруженных сил, способных эффективно осуществлять ядерное сдерживание, успешно действовать в современной высокотехнологичной войне локального масштаба, а также при проведении антитеррористических операций.

Серьезной проблемой для Китая является нерешенность многих проблем модернизации оборонного комплекса и его хроническое отставание от происходящих в мире революционных изменений в военной сфере.

К особенностям китайской военной стратегии следует отнести то, что силы общего назначения НОАК ориентируются на подготовку к ведению небольших по своим масштабам, но интенсивных и, как правило, скоротечных боевых действий в приграничных районах КНР. Подготовка к такой войне в корне отличается от принципов затяжных войн на истощение, которые доминировали в НОАК в период подготовки к войне против бывшего СССР.

Локальные войны относятся китайскими военными специалистами к категории военных конфликтов, ограниченных географическими рамками и политическими целями, интенсивность и продолжительность которых могут значительно варьироваться. Использование военной силы в таких конфликтах заключается не в том, чтобы полностью лишить противника возможности вести войну, парализовать его волю к сопротивлению, а в том, чтобы добиться реализации собственных политических целей и задач. И хотя военно-политическое руководство КНР признает, что локальные войны могут быть длительными, как, например, война в Корее или два пограничных конфликта с Индией, тем не менее, главное внимание сосредоточивает на подготовке к локальным войнам небольшой продолжительности. При этом китайские военные стратеги рассматривают 5 основных типов локальных войн.

1. Ограниченная по масштабам война, не выходящая за пределы спорных пограничных территорий.
2. Война за овладение прилегающими морскими акваториями и островами.
3. Внезапное воздушное нападение на стратегические объекты, расположенные на территории Китая.
4. Оборонительные действия по отражению преднамеренного вторжения в пределы Китая.
5. Контрнаступление на территорию противника с целью возмездия за развязанную агрессию и защиты своего суверенитета.

Общим для всех вышеперечисленных локальных войн является то, что они преследуют ограниченные политические цели, достигаемые с помощью военной силы.

Изучение опыта ведения боевых действий США против Ирака привело к повышению внимания военно-политического руководства КНР к проблемам «информационной войны». В значительной мере это объясняется также связью с культурным наследием страны, проявившейся в новых исторических условиях в виде обращения к учению военного теоретика древности Сунь Цзы. В известном труде «Стратегия Сунь Цзы» (512 год до н.э.), сохраняющем определенную методологическую актуальность и в наши дни, автор исследует проблему, как победить противника интеллектом, а не только материальной силой. Ведение войны означает, по Сунь Цзы, комбинированное применение знаний и материальных ресурсов. При этом знания и интеллект как невидимые ресурсы, во многих случаях являются более важными, чем материальные (видимые) ресурсы. Война, считал он, — сложное многомерное явление, включающее использование каждой из сторон всех средств борьбы, охватывающее политику, дипломатию, науку, культуру и другие сферы. Особое значение Сунь Цзы придавал добыванию сведений о противнике и одновременно — введению противника в заблуждение относительно своих намерений, т.е. дезинформации.

Современные китайские теории информационной войны находятся в начальной стадии развития и имеют в своей основе концепции США, адаптированные к условиям КНР; они предполагают противоборство, своеобразную конфронтацию собственных компьютерных систем, а также систем разведки, управления и связи с неприятельскими. Информационная война охватывает военную и гражданскую сферы и ведется в виде

шпионажа в скрытой или открытой форме, а также воздействия на электронные средства противника, в том числе путем распространения вирусов в системах, использующих интернет. При этом главное внимание уделяется ведению так называемой акупунктурной войны. Эта война заключается в воздействии на узловые объекты «нервной системы» противника — пункты управления войсками и оружием, крупные гражданские учреждения (банки, узлы связи, транспортные узлы и т.п.) с конечной целью дезорганизовать действия противника, ослабить решимость лиц, принимающих решения, воздействуя на их сознание, тем самым окончательно сломить волю противника к сопротивлению. При этом должны быть использованы все возможности для защиты собственных информационных систем. Особое место занимает «психологическая война», в которой наряду с традиционными методами используется манипулирование информационными ресурсами противника в системе интернета. Следует отметить, что некоторые военные теоретики, сознающие отставание Китая в области электроники, обращаются к идеям «народной войны», полагая возможным в интересах «информационной войны» осуществлять мобилизацию компьютеризированной части населения, в том числе хакеров³⁴.

Наряду с этим, следуя принципам Сунь Цзы, Пекин стремится сосредоточить внимание на проблемах интеллектуальной войны, под которой понимается битва интеллектов командования по обеим сторонам фронта. Подчеркивается важность в этой войне высокого уровня знаний, устойчивой психики, инновационных подходов и нестандартного мышления. По мнению некоторых китайских военных аналитиков, противостояние командования противоборствующих стран резко усиливает значимость интеллектуальных ресурсов. Знания становятся главным стратегическим ресурсом, более важным для обеспечения баланса сил, чем оружие.

По некоторым зарубежным оценкам, Китай учится на ошибках других и имеет возможность, пользуясь достижениями Запада, в ближайшей перспективе создать значительный потенциал по ведению «информационной войны» и разработать соответствующую инновационную стратегию, отличающуюся новизной предлагаемых мер. На это, в частности, указывает создание в КНР нескольких организаций, занятых разработкой методов и подготовкой военных специалистов НОАК в области «информационной войны»: Командной академии связи в г. Ухань (пров. Хубэй), Университета информационной техники в г. Чжэнчжоу (пров. Хэнань), Университета науки и техники, Национального университета оборонной науки и техники в г. Чанша. Кроме того, в структуре НОАК создана сеть курсов по повышению квалификации в данной области для командного состава различных уровней³⁵.

На основе анализа вооруженных конфликтов конца XX — начала XXI века китайские военные теоретики приходят к выводу о необходимости модернизировать стратегию и тактику «народной войны» применительно к новому историческому этапу «высоких технологий». По их мнению, высокотехнологичная война не уменьшила значение человеческого фактора — напротив, его значение даже возросло, поскольку высокие технологии не могут полностью заменить живой интеллект, мастерство, личную инициативу. Поэтому для Китая ключевой проблемой военной политики в деле повышения оборонного потенциала является подготовка нового поколения командных и научно-технических кадров, обладающих высоким интеллектом³⁶.

Эволюция военной политики Китая на современном этапе

На протяжении трех десятилетий с момента образования КНР военная политика страны строилась в соответствии со стратегической концепцией «народной войны», основанной на военных идеях Мао Цзэдуна. Созданная путем обобщения опыта антияпонской и гражданских войн, данная концепция содержала тезис о неизбежности третьей мировой войны и предполагала строительство многочисленной армии и массовых резер-

вов по принципу «весь народ — солдаты»; по своей сути она являлась оборонительной континентальной стратегией борьбы против технически превосходящего противника. Решающее значение при этом придавалось человеческому фактору, народным массам; значение вооружения и военной техники недооценивалось. Одна из причин такого положения, противоречащего военной науке того времени, заключалась в военно-технической отсталости страны, и в том, что именно широкие народные массы были сферой безраздельного влияния КПК. Предполагалось, что вторгнувшийся противник потерпит поражение в ходе затяжной народной войны партизанского типа, в которой на стороне Китая будет превосходство в живой силе и обширная территория.

Предполагалось также, что регулярная армия и вооруженное народное ополчение, опираясь на моральную, материальную и психологическую поддержку масс, будут вести как оборонительные, так и наступательные боевые действия на обширной территории с конечной целью сломить волю противника к борьбе и изгнать за пределы Китая.

Военно-стратегическая ситуация, сложившаяся в мире в связи с окончанием холодной войны, снижением уровня военного противостояния и переносом геополитического соперничества в значительной мере в сторону невоенных методов противоборства, привела к кардинальным изменениям китайских подходов к проблемам войны и мира. Это впервые нашло свое отражение в материалах 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.). Ранее существовавшая оценка военно-стратегической ситуации в мире и регионе, как представляющей постоянную угрозу национальной безопасности Китая и чреватой опасностью развязывания «большой» войны против него в любой момент, была признана неадекватной реальной действительности.

Дэн Сяопин, выступая на расширенном заседании Военного совета ЦК КПК в июне 1985 г., заявил: «Опасность мировой войны существует. Из-за гонки вооружений двух сверхдержав фактор войны будет все еще нарастать. Однако народы хотят мира и выступают против войны. Рост сил мира во всем мире обгонит рост сил войны... Существует возможность, что широкомасштабная война не возникнет в течение продолжительного времени в результате дальнейшего роста сил, защищающих мир. Мир во всем мире, как можно надеяться, удастся отстоять»³⁷. «На основе научного анализа глубоких изменений, происшедших в послевоенных международных отношениях, и тщательного изучения реальной обстановки в мире, — отмечал журнал «Хунци» в 1986 г., — китайские марксисты выступили с новым пониманием проблемы войны и мира в нашу эпоху»³⁸.

В том же году, развивая упомянутый тезис, Дэн Сяопин впервые заявил об отходе от концепции фатальной неизбежности новой мировой войны: «Раньше мы считали, что мировая война неизбежна, сейчас наша точка зрения изменилась; судя по тенденции в развитии международных отношений, мир можно отстоять, но, разумеется, для этого надо проделать определенную работу»³⁹. Новые взгляды на проблемы войны и мира вызвали необходимость коренного пересмотра военной политики. Прежний стратегический принцип постоянной готовности к широкомасштабной войне по отражению нападения был изменен на принцип военного строительства в мирное время⁴⁰.

Создание идеологии преобразований в военной области в Китае связывают с именем Дэн Сяопина, который в 10 специальных работах о реформе армии и оборонной промышленности, охватывающих период с 1975 по 1982 год, изложил идеи относительно проведения военной реформы, послужившие основой соответствующих постановлений директивных органов.

Базируясь на оценках Дэн Сяопина об отсутствии неизбежности возникновения новой мировой войны на рубеже XX и XXI веков, Китай впервые в новейшей истории получил возможность сосредоточить усилия на модернизации экономики и одновременно, по мере ее развития, укреплять национальную оборону. В отличие от периода холодной войны, когда оборонный сектор находился в привилегированном положении и развивался в значительной степени автономно, постепенно утвердилась новая концепция, сог-

ласно которой главной гарантией национальной безопасности страны является ее комплексная государственная мощь, основанная на согласованном развитии оборонной и гражданской сфер. В широком смысле предполагается не только зависимость военного строительства от экономического, но и обратная связь — использование возможностей военно-промышленного комплекса в интересах развития экономики⁴¹.

Эти идеи оказали непосредственное влияние на формирование новых взглядов по проблемам соотношения и взаимосвязи экономического и оборонного строительства в условиях ускорения научно-технического прогресса, углубления мировых интеграционных процессов в научно-технической сфере и возрастающего вклада науки в достижения экономики.

Выработка новой военной доктрины в этот период проходила в обстановке дискуссий о целесообразности и возможности дальнейшего использования военных идей Мао Цзэдуна и концепции «народной войны». Отмечалось, что эти идеи — ценное военно-теоретическое достояние, отражающее специфический путь Китая, однако необходимо развивать их с учетом современных условий, «пристально следить за стратегической обстановкой в мире, перенимать у зарубежных государств все лучшее, внимательно изучать новые направления во всех странах, исследовать тенденции в строительстве иностранных армий, сочетать заимствование за рубежом с обобщением собственного опыта»⁴². В итоге была принята доктрина «народной войны в современных условиях», которая, сохранив преемственность в названии, исходит как из китайского, так и из мирового опыта военного строительства и признает возрастающее значение в современной войне военно-технического фактора.

Позднее, с учетом мировых тенденций в военной области, а также изменений в сфере международной безопасности, доктрина «народной войны в современных условиях» была трансформирована в **стратегию «активной обороны»**, которая по существу стала военной доктриной КНР в XXI веке. Эта доктрина предполагает строительство мощной модернизированной армии, имеющей сбалансированное соотношение видов вооруженных сил и родов войск. Согласно этой доктрине применение военной силы Пекином осуществляется в соответствии с принципом: Китай не нападает первым, но в случае агрессии ответит контрударом; при этом оборона включает в себя как оборонительные, так и наступательные действия.

В XXI век Китай вступил с развитой структурой вооруженных сил (ВС) и системой органов военного управления. ВС Китая состоят из НОАК, народной вооруженной полиции и народного ополчения. Основным боевым компонентом китайских ВС, предназначенным для выполнения внешних функций, является НОАК, состоящая из действующих сил (стратегические ракетные войска, сухопутные войска, ВВС и ВМС) численностью 2,3 млн человек и организованного резерва — 510 тыс. человек; на полицейские формирования (660 тыс. человек)⁴³ возложены функции по обеспечению внутренней безопасности и общественного порядка. Народное ополчение в мирное время выполняет задачи по поддержанию общественного порядка, а в военное время — задачи оборонительного характера и различные обеспечивающие функции.

На нынешнем этапе военная политика Пекина основывается на принципах **неучастия в военных союзах (блоках)**⁴⁴, неприменения ядерного оружия первым, поддержки создания зон, свободных от ядерного оружия; отказа от размещения вооруженных сил на иностранных территориях, за исключением участия в миротворческих операциях под эгидой ООН⁴⁵. Одновременно Китай осуществляет курс на реализацию **концепции безопасности нового типа, основанной на межгосударственном доверии**. Она включает следующие положения: взаимная равная безопасность, основанная на взаимном доверии и сотрудничестве посредством диалога, взаимодействие в деле безопасности при невмешательстве во внутренние дела других государств и нанесении ущерба третьим странам; недопущение угрозы или нанесения ущерба военной силой безопасности и ста-

бильности других государств; осуществление оборонительной военной политики; принятие на двусторонней основе оптимальных мер по утверждению доверия в пограничных и спорных районах; дружественные связи между вооруженными силами.

Первостепенное внимание в Пекине уделяют проблеме обеспечения ядерной безопасности. В связи с этим следует отметить заключение между КНР и РФ в 1994 г. Соглашения о неприменении первыми ядерного оружия и о взаимном ненацеливании ядерных средств против другой стороны; в 1998 г. — аналогичного соглашения между КНР и США, а в мае 2000 — подписание Китаем совместного с четырьмя ядерными державами Заявления о ненацеливании ядерного оружия против какой-либо страны⁴⁶.

Согласно официальным заявлениям, военная политика КНР имеет оборонительный характер. Вместе с тем на неофициальном уровне в Китае продолжается пропаганда концепции «стратегических границ и жизненного пространства», согласно которой рост населения и ограниченность ресурсов государства вызывают естественные потребности в расширении территории, в том числе с использованием вооруженных сил. В частности, эти идеи изложены в вышедшем в КНР в марте 2009 г. сборнике статей «Чжунго бу гаосин» («Китай недоволен»)⁴⁷, отражающем неофициальную точку зрения, существующую среди некоторых военных. Не исключено, что упомянутая концепция принадлежит силам, заинтересованным в подрыве атмосферы межгосударственного доверия, сложившейся в отношениях Китая с некоторыми сопредельными странами, в том числе с Россией, в конце XX — начале XXI века.

XVIII съезд КПК (ноябрь 2012 г.) подтвердил установку на реализацию принятой в 2006 г. **программы модернизации национальной обороны**. Она включает три этапа: до 2010 года — создание фундаментальных основ преобразований, до 2020 года — достижение общего прогресса по основным направлениям модернизации, до 2050 года — достижение в основном стратегической цели — создания информатизированных вооруженных сил, способных успешно действовать в войнах с применением информационных технологий⁴⁸. Профессор Университета национальной обороны КНР Гун Фанбинь считает, что реформирование китайских вооруженных сил диктуется глобальными переменами в военной сфере и потребностями самой китайской армии. Быстрый рост экономической мощи, расширение сферы государственных интересов и все большее участие Китая в международных делах требуют соответствующих вооруженных сил для защиты этих интересов. Кроме того, мировая держава должна выполнять многие международные обязательства по защите мира, охране судоходства, борьбе с терроризмом⁴⁹. Основным содержанием программы на нынешнем (втором) этапе является информатизация и компьютеризация войск и сил флота, усиление боевых возможностей НОАК за счет повышения эффективности взаимодействия видов вооруженных сил и родов войск в совместных операциях. Конечная цель при этом заключается в создании вооруженных сил, способных эффективно осуществлять ядерное сдерживание, успешно действовать в современной высокотехнологичной войне локального масштаба, а также при проведении антитеррористических операций.

Модернизация обороны в соответствии с упомянутой программой рассматривается в качестве важнейшей составной части модернизации страны. К 2020 г. намечается завершить механизацию войск и добиться прогресса в их информатизации. Перед вооруженными силами поставлена задача не только защиты суверенитета и территориальной целостности страны по периметру границ, но также обеспечения безопасности на морях, в мировом океане, в воздушном, космическом и в электронном информационном пространстве. В области военного строительства сохраняется стратегия «активной обороны», предполагающая строительство мощной современной армии, способной реагировать на внезапные изменения обстановки и вести как оборонительные так и наступательные боевые действия в условиях высокотехнологичной войны локального масштаба⁵⁰.

Следуя мировой тенденции в военно-технической области и опираясь на растущую экономическую мощь, *Китай из года в год увеличивает военные расходы*. Мировой финансовый кризис привел к некоторому замедлению темпов роста бюджетных военных ассигнований: в 2010 г. они составили около 78 млрд долл. (годовое увеличение 7,5%). Однако в 2011 г. они возросли на 12,7% и составили 91,5 млрд долл.⁵¹, в 2012 г. прирост составил 11,2% — до 106,4 млрд долл.⁵². По мнению большинства аналитиков, в том числе сотрудников СИПРИ (Стокгольм), в последние годы реальные военные расходы Китая в среднем на 40–50% превышают официальный оборонный бюджет. Помимо официального оборонного бюджета, в эту оценку включены следующие семь статей: 1) расходы центрального правительства и местных органов власти на Народную вооруженную полицию (НВП); 2) выплаты министерства обороны по гражданским делам в связи с демобилизацией и выходом военнослужащих в отставку; 3) субсидии убыточным отраслям военной промышленности; 4) дополнительное финансирование военных НИОКР гражданскими министерствами Госсовета КНР; 5) дополнительные расходы на военное строительство (до 2006 г. они оценивались в объеме 4% от бюджета капитального строительства); 6) китайский импорт вооружений и военной техники; 7) доходы от предприятий, находящихся в собственности вооруженных сил. Кроме того, СИПРИ исходит из предположения о том, что доля НИОКР в совокупных военных расходах Китая близка к доле США, а также из факта стремительного увеличения в последние годы общего бюджета НИОКР Китая, который рос опережающими темпами по сравнению с темпами роста экономики и официального оборонного бюджета⁵³.

В 2013 г. бюджетные военные ассигнования КНР были увеличены на 10,7% и определены в сумме 114,7 млрд долл.⁵⁴; соответственно реальные военные расходы могут оцениваться в 160–170 млрд долл., или около 1,7% ВВП. Как следует из отчетного доклада премьера КНР Ли Кэцзяна на 2-ой сессии ВСНП 12-го созыва (март 2014 г.), ассигнования по данной статье в 2014 г. составят 132 млрд долл., что на 12,2% превысит показатель 2013 г.⁵⁵; соответственно реальные военные расходы КНР в 2014 г. могут оцениваться в 185–198 млрд долл.

Анализ приведенных данных показывает, что в 2011–2013 гг. темпы увеличения бюджетных военных ассигнований КНР существенно превысили темпы роста ВВП, составивших 9,2; 7,8; 7,6% соответственно⁵⁶. И все же военные расходы Китая значительно уступают военным расходам США, которые, по данным Лондонского института стратегических исследований (ЛИСИ), в 2013 г. составили 600,4 млрд долл. (3,7% ВВП)⁵⁷.

Увеличение военных расходов Китая в основном связано с мерами по повышению боевых возможностей НОАК в условиях высокотехнологичной войны, предпринимаемыми по результатам анализа опыта военных операций коалиционных сил во главе с США в Югославии, Ираке и Афганистане; с удорожанием систем вооружений, ростом мировых цен на нефть и соответствующим увеличением расходов на нефтепродукты для вооруженных сил, а также с существенным повышением денежного довольствия офицерского и рядового состава в условиях конкуренции с гражданским сектором за привлечение и удержание в армии талантливых кадров. К другим причинам относятся увеличение расходов на информатизацию войск, развитие и модернизацию военной инфраструктуры, на все более широкое участие НОАК в международном военном сотрудничестве.

Новые направления военной политики КНР отражены в концептуальном понятии «китайская мечта», которое впервые ввел в оборот избранный на пост генерального секретаря ЦК Коммунистической партии Китая лидер нового, пятого, поколения китайских руководителей Си Цзиньпин. По его мнению, китайская мечта — это квинтэссенция многовековых мыслей и чаяний китайского народа о построении справедливого общества, в котором граждане страны будут жить в достатке, а также о месте Китая на мировой арене, которое бы соответствовало достигнутому этим государством успехам в экономике и политике и отражало бы существенно возросшую военную мощь⁵⁸. В качестве

председателя Центрального военного совета КНР Си Цзиньпин придает большое значение усилению китайских вооруженных сил. Он подчеркнул, что предпосылкой осуществления великого возрождения китайской нации является развитие страны и укрепление ее обороноспособности. Во время участия в пленарном заседании делегации НОАК в рамках 1-ой сессии ВСНП 12-го созыва (март 2013 г.) Си Цзиньпин ясно назвал целью КПК в области военного строительства в новой обстановке «создание народной армии, подчиняющейся партийному командованию, способной одержать победу в войне и обладающей превосходным стилем работы».

Китайская мечта в преломлении для армии и вооруженной полиции выглядит как «сильное государство — мощная армия», «учиться воевать в современных условиях, учиться побеждать в военных конфликтах». В заявлениях, рассчитанных на широкую, в том числе международную, аудиторию, китайские СМИ отмечают, что «Китай неустанно стремится к миру. Усиление Китаем оборонного строительства нацелено на защиту государственного суверенитета, безопасности и территориальной целостности и обеспечение мирного развития государства. КНР неизменно выступает твердой силой в защите мира на планете и будет строго соблюдать данные торжественные обещания. Китай никогда не будет гегемоном, никогда не будет проводить политику экспансионизма»⁵⁹.

Военная политика КНР и возможные направления российско-китайского сотрудничества в сфере безопасности

Как уже отмечалось выше, на нынешнем этапе военная политика Пекина основывается на принципах неучастия в военных союзах (блоках) и отказа от размещения вооруженных сил на иностранных территориях, за исключением участия в миротворческих операциях под эгидой ООН. Вместе с тем анализ военной политики многих стран на протяжении длительного времени свидетельствует, что их военные успехи во многом обеспечивались не только за счет национальных ресурсов, но и искусным выбором союзников и созданием военных коалиций.

Наращивание военного присутствия США в АТР, активизация деятельности Вашингтона по укреплению существующих и сколачиванию новых военно-политических коалиций вынуждает многих китайских экспертов, адекватно оценивающих и сопоставляющих совокупный потенциал Америки с ее союзниками и Китая и прогнозирующих возможные варианты развития военно-политической обстановки в регионе, заставляют их пересматривать свое отношение к этому вопросу. Об этом убедительно свидетельствует содержание передовой статьи в газете «Жэньминь жибао» от 10 февраля 2014 г., в которой говорится, что параллельное сдерживание России и Китая Америкой с ее союзниками неизбежно подталкивает две соседние страны друг к другу. Подписанный в 2001 г. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой хорошо поработал и обеспечил базу для налаживания полноценного стратегического партнерства. Но в новых условиях целесообразно не только наращивать объем взаимодействия, но и вывести его на новый качественный уровень — уровень военно-политического союза. Оформленный в терминах международного права союз позволил бы не только укрепить позиции обеих стран на мировой арене, но и покончить с остатками взаимного недоверия, которые препятствуют переходу сотрудничества на более высокий уровень.

Об этом же говорит и один из ведущих китайских политологов — международных Янь Сюэтуна, который предлагает противопоставить американской стратегии укрепления и развития союзов наращивание в следующем десятилетии стратегического сотрудничества Китая с Россией вплоть до создания отвечающего интересам обеих стран союза⁶⁰.

О необходимости усиления российско-китайского взаимодействия в сфере безопасности говорили и лидеры наших государств во время официального визита российского президента в мае 2014 года в КНР.

Таким образом, необходимость дальнейшего развития сотрудничества России и Китая в сфере безопасности объективно существует. Вопрос лишь в том, в какой форме наращивать такое сотрудничество — в форме военно-политического союза или же идти по линии дальнейшего развития стратегического партнерства в рамках уже подписанных договоров и существующих международных организаций, членами которых являются и Россия и Китай.

Проанализируем уже упоминавшийся Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 2001 года. Некоторые так называемые независимые эксперты в России считают, что Договор ограничен декларативными заявлениями без каких либо конкретных обязательств.

Так ли это? Обратимся к ст. 9, которая гласит, что в случае возникновения ситуации, которая «может создать угрозу миру, нарушить мир или затронуть интересы безопасности», а также в случае «возникновения угрозы агрессии против одной из Сторон» они незамедлительно «вступают в контакт друг с другом и проводят консультации в целях устранения возникшей угрозы». То есть в случае возникновения угрозы Договор не исключает принятие нашими странами самых решительных мер для ее устранения.

Однако Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Россией и Китаем не ограничивается процитированным выше положением. В нем содержится целый комплекс принципов, направленных на укрепление доверия между нашими странами и содержащих взаимные обязательства по неприменению каких либо силовых действий по отношению друг к другу.

Так, в ст. 1 и 2 говорится о взаимном уважении «суверенитета и территориальной целостности», ненападении, невмешательстве во внутренние дела, соблюдении принципов «равенства, взаимной выгоды, мирного сосуществования». Поэтому «Стороны в своих взаимоотношениях не применяют силу или угрозу силой, не используют экономические и иные способы давления и разрешают разногласия исключительно мирными средствами», обязуются «взаимно не нацеливать стратегические ядерные ракеты» и «исключают применение друг против друга ядерного оружия». Ст. 4 направлена на взаимную поддержку политики друг друга в вопросах, касающихся защиты государственного единства и территориальной целостности наших государств. И наконец, согласно ст. 6 обе страны, руководствуясь международно-правовыми принципами территориальной неприкосновенности и нерушимости государственных границ, неукоснительно соблюдают государственную границу между ними.

Следует заметить, что названные выше положения Договора — не просто декларации. За последние годы наши страны урегулировали все пограничные вопросы, что, очевидно, упускают упомянутые выше эксперты. Окончательная делимитация российско-китайской госграницы, равно как и успешная реализация на протяжении последних десяти лет соглашения по укреплению мер доверия в военной области и взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы, а также по совместному хозяйственному использованию отдельных островов и прилегающих к ним акваторий пограничных рек, способствовали превращению границы между двумя государствами в границу мира и дружбы.

Нарращивается сотрудничество наших стран в политико-дипломатической сфере, в решении проблем ограничения СНВ, сохранения режима нераспространения ЯО и средств его доставки, предотвращения гонки вооружений в космосе. Россия и Китай как постоянные члены Совбеза ООН выступают по этим вопросам с консолидированных позиций. Обе наши страны прилагают большие усилия к решению корейской проблемы. В силу геостратегического положения России и Китая военно-политическая ситуация на Корейском полуострове напрямую затрагивает их безопасность. Мы заинтересованы в

том, чтобы его пространство не стало ареной вооруженной борьбы, будь то военный конфликт между Севером и Югом или агрессия США против КНДР по иракской модели. Неприемлем для обеих стран и вариант мирного поглощения Южной Кореей КНДР по германской модели, что автоматически выводит американо-южнокорейскую коалицию к сухопутным границам России и Китая. Поэтому наши страны считают шестисторонние переговоры реальным путем поиска решений проблемы Корейского полуострова и призывают участников переговоров проявлять терпение, гибкость, продвигая шестисторонний процесс, чтобы мирным путем разрешить ядерную проблему.

Аналогичные цели, но применительно к Центральнo-Азиатскому региону, преследуют наши страны, взаимодействуя при решении Иранского вопроса. Они с пониманием относятся к стремлению Ирана осваивать ядерную энергию в мирных целях. Тегеран, подписав и ратифицировав ДНЯО, имеет на это право, и имеет право получать предусмотренную этим Договором помощь от других государств. Но не следует загонять Тегеран в угол, что может подтолкнуть его к экстремистским шагам.

Таким образом, наши государства реализуют установки ст. 11 Договора, где сказано, что обе «Стороны выступают за строгое соблюдение общепризнанных принципов и норм международного права, против любых действий, направленных на оказание силового давления или на вмешательство под каким-либо предлогом во внутренние дела суверенных государств и прилагают активные усилия для укрепления международного мира, стабильности, развития и сотрудничества, тесно взаимодействуя в предотвращении международных конфликтов и в их политическом урегулировании».

Россия и Китай выступили против выхода США из Договора об ограничении систем ПРО от 1972 г., считая, что создание Вашингтоном системы национальной ПРО и ПРО ТВД обесценит их потенциал сдерживания и будет иметь серьезные последствия не только для наших стран, но и для глобальной безопасности. Следует отчетливо представлять, что чрезмерное сокращение ядерных средств нашими странами в условиях наращивания ПРО США создает благоприятные условия для нанесения первого или превентивного удара, право на который пытается закрепить Вашингтон. И это учитывается Россией.

Российские и китайские представители тесно сотрудничают в Генассамблее ООН и на Постоянной конференции по разоружению в Женеве по решению проблемы предотвращения развертывания в космосе противоспутникового оружия, систем космического базирования, средств оптико- и радиоэлектронного подавления, а также оружия на новых физических принципах (НФП), которое не относится к ОМП. Благодаря этому в 2005 г. была принята резолюция ГА ООН «Меры по обеспечению транспарентности и укреплению доверия в космической деятельности», за которую проголосовали 158 государств. Против — только США при воздержавшемся Израиле.

Противодействию набирающим актуальность новым угрозам посвящена ст. 20, в которой говорится о сотрудничестве наших стран в области борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, а также в области борьбы с организованной преступностью, незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, оружия и другой преступной деятельностью.

В этих вопросах наши страны солидарны, что является надежной базой сотрудничества. При этом мы взаимодействуем в вопросах теории (выработка понятийного аппарата и четких формулировок соответствующих документов), и практики (стремление к официальному признанию наших предложений, и утверждению их в качестве международно-правовых норм).

Практическая деятельность охватывает и военную сферу. Здесь наше сотрудничество получило качественно новое развитие, распространившись на оперативную и боевую подготовку штабов и войск с отработкой вопросов взаимодействия при проведении анти-террористических операций. От двустороннего сотрудничества мы переходим к многостороннему, на что нацеливает наши страны ст. 14 Договора: «Стороны способствуют укреп-

лению стабильности, утверждению атмосферы доверия и сотрудничества в регионах, прилегающих к их территориям, и содействуют усилиям по созданию в них многосторонних механизмов взаимодействия по вопросам безопасности и сотрудничества».

Уже проведен ряд совместных военных учений в рамках ШОС под кодовым названием «Мирная миссия», которые продемонстрировали способность вооруженных сил стран-участниц противостоять угрозам и вызовам XXI в., прежде всего — терроризму. Соглашением между государствами—членами ШОС от 2007 г. о проведении таких учений создана правовая база для их подготовки и проведения на регулярной основе, что и реализуется в настоящее время.

Ценность создания института совместных учений «Мирная миссия» на двусторонней и многосторонней основе в формате ШОС в ЦАР и двусторонних учений «Морское взаимодействие» в АТР вполне осязаема. Эти учения способствуют приобретению и совершенствованию войсками и штабами вооруженных сил наших стран такого важнейшего качества, как оперативная совместимость, то есть способность совместно и эффективно действовать в условиях боевой обстановки.

Проведенный краткий анализ российско-китайского Договора дает основание сделать вывод о том, что сегодня и в ближайшей перспективе нет необходимости заключения каких — либо двусторонних военно-политических союзов между Россией и Китаем.

Вторым важным документом, регламентирующим совместные действия наших государств в сфере безопасности, является Хартия Шанхайской организации сотрудничества. ШОС не является военно-политическим союзом. Но, согласно данному документу она представляет собой универсальную организацию. Ее целями и задачами определены: «развитие многопрофильного сотрудничества в целях поддержания и укрепления мира, безопасности и стабильности в регионе», а также, «поощрение эффективного регионального сотрудничества в политической, торгово-экономической, оборонной... и других областях, представляющих общий интерес»⁶¹.

В силу этого имеется правовая база, а вследствие обостряющейся военно-политической ситуации в Центральном-Азиатском регионе становится очевидной и необходимость создания в рамках Организации механизмов многостороннего сотрудничества по всему спектру центральноазиатских проблем безопасности и обороны. Особенно актуальным это становится на фоне вывода войск западной коалиции из Афганистана и вероятного обострения военно-политической обстановки в Центральной Азии. Как свидетельствует российский посол в Таджикистане И. Лякин-Фролов, «самый благоприятный сценарий предполагает, что нынешняя власть сохранится лишь в Кабуле и большинстве провинциальных центров... Есть и менее благоприятные, которые предполагают, что может начаться полномасштабная гражданская война, которая будет угрожать целостности афганского государства, а также безопасности стран Центральной Азии и других участников ШОС. И к этому надо готовиться»⁶².

С послом нельзя не согласиться: при любом сценарии, при всей их умозрительности, нужно быть готовыми к тому, что потерявшие «работу», но хорошо овладевшие военными навыками боевики начнут возвращаться в свои страны. Активизируется работа исламистских организаций в них с последующим нарастанием нестабильности вплоть до «ближневосточных» или «украинских» сценариев. При этом не стоит упускать из виду, что мы будем иметь дело не только с талибами или отдельными исламистскими организациями типа «Хизб-ут-Тахрир».

Радикальный исламизм оформился в мировую сеть террористического интернационала, которая с каждым днем становится все более разветвленной. И всем заинтересованным в борьбе с терроризмом странам нужно объединение усилий и активизация всех возможных методов борьбы с ним. Сегодня все явственнее вырисовывается перспектива превращения этой тактической задачи в долгосрочную стратегию. Поэтому ШОС должна обладать способностью не только к осуществлению превентивных невоенных мер по предот-

вращению угроз со стороны сепаратизма, экстремизма и терроризма, но и к проведению, как минимум, всего спектра миротворческих операций (гуманитарных, по поддержанию мира и по принуждению к миру и др. в соответствии с Уставом ООН). Иначе говоря, есть потребность и имеются правовые основания для углубления сотрудничества государств-участников ШОС в военной сфере. Не являясь военно-политической структурой, ШОС должна стать на деле multifunctional Организацией, способной решать весь комплекс задач в сфере безопасности, что и предусмотрено ее Хартией.

Естественно, возникает вопрос, а как это будет выглядеть на практике?

Представляется, что первоначально было бы целесообразным инициировать вопрос об учреждении Координационного комитета по военному сотрудничеству (ККВС) в качестве постоянно действующего органа ШОС.

Такой орган способствовал бы росту эффективности военно-технического и военно-экономического сотрудничества, реализации программ развития вооруженных сил стран региона, повышению уровня их подготовки. Наряду с этим он обеспечивал бы координацию военного сотрудничества в рамках ШОС. Но главным предназначением ККВС должно стать своевременное реагирование на угрожающие странам-участницам ситуации. ККВС, кроме того, будет способствовать налаживанию эффективного взаимодействия между военными разведками стран-членов Организации.

Можно рассмотреть и другую систему управления, базирующуюся, на принципе «выделения, но не отделения». Этот принцип предусматривает выделение из состава органов управления национальных вооруженных сил части подготовленного персонала, который используется для формирования основы (оперативного ядра) ККВС, ответственного за организацию и проведение конкретной, например, миротворческой операции. При необходимости такое ядро может наращиваться соответствующими управленческими блоками — «компоновочными модулями» от обеспечивающих органов управления армий стран-участниц ШОС (боевого, тылового, технического). Это позволит максимально использовать ресурсы уже имеющихся органов управления и, соответственно, даст значительную экономию сил, средств и времени. Последнее в условиях «кризисного реагирования» приобретает немаловажное значение.

Повышению возможностей ШОС по обеспечению обороны и безопасности ее учредителей, прежде всего методом сдерживания и предотвращения развития ситуации в регионе по опасным для участников ШОС сценариям, способствовало бы создание в рамках Организации миротворческого контингента. На первом этапе можно было бы реализовать меры, включающие проработку вопроса о возможной штатной структуре и системе управления таких сил, их апробацию в ходе совместных учений для достижения необходимого уровня оперативного взаимодействия.

Основываясь на имеющемся опыте функционирования международных организаций по безопасности, не обязательно содержать в ШОС этот миротворческий контингент войск на постоянной основе. В обычных условиях силы и средства, предназначенные для проведения операций на пространстве Организации, могут содержаться в каждом из государств, собираясь вместе только на время проведения учений, маневров и конкретных задач.

Хотелось бы заметить, что создание оперативной основы для решения обозначенной выше задачи, во многом благодаря инициативе и сотрудничеству России и Китая, уже обеспечивается проведением регулярных военных маневров под кодовым названием «Мирная миссия». Эти маневры позволили участвующим в них войскам и штабам отработать необходимую для совместных действий оперативную совместимость.

Некоторые военные специалисты и политологи высказывают опасение, что при реализации всех названных выше предложений ШОС может превратиться в военно-политический альянс. Конечно, развитие военной составляющей ШОС дает определенные основания политологам, особенно западным, говорить о «дрейфе» Организации в эту

сторону. Особенно, если этот процесс очень хочется видеть. Не вдаваясь в полемику, подчеркнем еще раз главный тезис, опровергающий это.

Вектор силовых усилий ШОС не направлен за пределы территории стран-участниц Организации. В области безопасности она намерена действовать только в ответ на возможную угрозу. Но, если эта угроза отчетливо проявляется, дальнейшее бездействие было бы большим риском. Да и содержать недееспособную организацию, затрачивая на это большие средства, весьма нерентабельно для государств-участников. К тому же сегодня ШОС является региональной структурой, установившей связь с ООН, и может решать миротворческие задачи по мандату этой Организации.

В силу незавершенности процесса структурирования Шанхайской организации сотрудничества, особенно на начальном этапе ее становления, странам-участницам пришлось соглашаться, чтобы в их «региональном доме» мир и стабильность поддерживали приглашенные со стороны страны и организации. Но может ли это продолжаться бесконечно? Ответ более чем очевиден: нужно принимать меры к дальнейшему совершенствованию структуры, состава и методов деятельности ШОС, расширению круга решаемых ею задач, а также сферы ее ответственности.

Подводя итог сказанному, следует еще раз подчеркнуть, что в ближайшей перспективе нет необходимости заключения каких-либо двусторонних военно-политических союзов между Россией и Китаем. Принцип «нужно меньше говорить, а больше делать» для реализации уже принятых документов и решений в этом направлении в данном случае вполне уместен. При этом мы исходим из того, что совместными усилиями легче и проще, к тому же с меньшими издержками для каждого из участников ШОС, обеспечить национальные интересы и нейтрализовать эгоистические устремления внешних акторов на пространстве Организации.

1. Совместное российско-китайское заявление. Дек. 1999 г. // Пробл. Дальнего Востока. 2000. № 1. С. 9.
2. Интерфакс. 21.07.2008.
3. International Strategic Studies. 1st Issue. 2008. P. 20–21.
4. Кобелев Е. Вьетнам: политике «мой дом» — 20 лет // Пробл. Дальнего Востока. 2007. № 1. С. 53–54.
5. International Strategic Studies... P. 20–21.
6. URL: <http://by.china-embassy.org/rus/fyrth/t894915.htm>.
7. East Asian Strategic Review. 2006. P. 20–22.
8. Executive Intelligence Review (EIR). 2012. 20 January. P. 9.
9. URL: <http://www.eurasian-defence.ru/node/2734>.
10. URL: <http://www.rian.ru/world/20100130/206988589.html>.
11. Синьхуа. 26.01.2011.
12. East Asian Strategic Review. 2012 / The National Institute for Defense Studies. Tokyo, Japan. P. 6,7.
13. Executive Intelligence Review (EIR). 2012. 20 January. P. 9.
14. URL: russian.china.org.cn (17.04.2013).
15. Интерфакс. 21.07.2011.
16. URL: <http://dplike.ru/asean-i-kodeks-povedeniya-storon-v-yuzhno-kitajskom-more.html>.
17. Белая книга Национальная оборона Китая — 2008. URL: www.chinaview.cn (20.01.2009).
18. People's Daily Online. 2005. 14 march.
19. Представители США, Японии и Тайваня собрались в Вашингтоне и анализируют ситуацию на случай ухудшения отношений с КНР (Сообщение китайской службы «Голоса Америки») // Экспресс-информация № 1. Военно-политические проблемы и вооруженные силы Китая / ИДВ РАН. М., 2004. С. 91.
20. URL: <http://www.novopol.ru/-hu-tszintao-pekina-predlagaet-taybeyu-obsudit-mehanizm-text136210.html>.
21. Пекин. Бизнес-ТАСС. 10.01.2013.

22. Синьхуа. 11.01.2014.
23. Морозов Ю.В. Сравнительный анализ борьбы с проявлениями сепаратизма на Дальнем Востоке Российской Федерации и в Китае: возможные уроки и пути решения проблем // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. 7 (244). С. 49–51.
24. Там же. С. 53.
25. International Strategic Studies. 1st Issue. 2008. P. 32–33.
26. URL: http://www.akm.ru/rus/news/2014/february/10/ns_4704834.htm"АК&М" (10.02.2014).
27. URL: <http://oilnews.kz/1/novosti/novosti-tek-zarubezhya>.
28. URL: <http://www.oborona.ru/includes/periodics/geopolitics/2012/1009/19009290/detail.shtml>.
29. URL: <http://www.imperia.by/comments3-7991.html>.
30. Разносторонняя деятельность вооруженных сил Китая / Пресс-канцелярия Госсовета КНР. Апрель 2013. Пекин. С. 43, 49. URL: <http://www.china.org.cn>.
31. East Asian Strategic Review. 2012... P. 93, 94.
32. Xiong Guangkai. On World Revolution in Military Affairs and Chinese Army Building // International Strategic Studies. 4th Issue. 2003. P. 1–5.
33. Ibid. P. 1–8.
34. Welt Trends. Berlin. 2002. № 35. Sommer. S. 103–119.
35. Ядерный контроль. № 6, ноябрь-декабрь 2001. С. 37, 41–43, 50.
36. Xiong Guangkai. On World Revolution... P. 1–5.
37. Жэньминь жибао. 1985. 20 июня.
38. Хунци. 1986. № 13. С. 25.
39. Жэньминь жибао. 1986. 20 апр.
40. Китай: контроль над вооружениями и разоружение. Документ Госсовета КНР // Белая книга. 1995. Ноябрь. С. 3–4.
41. Ян Чуньчжан. Исследование взглядов Дэн Сяопина по проблемам военного строительства на новом этапе. Пекин, 1989. С. 60.
42. Ян Шанкунь. За строительство современных вооруженных сил с китайской спецификой // Хунци. 1984. № 15. С. 5–7.
43. The Military Balance. 2012 / By The International Institute For Strategic Studies. London, 2012. P. 233–241.
44. Разносторонняя деятельность вооруженных сил Китая / Пресс-канцелярия Госсовета КНР. Апрель 2013. Пекин. С. 7. URL: <http://www.china.org.cn>.
45. China's National Defense in 2010. URL: http://www.china.org.cn/government/whitepaper/node_7114675.htm (10.02.2011).
46. Xiong Guangkai. China's Defense Policy // International Strategic Studies. № 1. 2001. P. 13.
47. Галенович Ю.М. О чем пишут авторы сборника «Китай недоволен». М., 2009. С. 94, 95, 98, 99.
48. Белая книга. Национальная оборона Китая — 2006. URL: <http://www.china.org.cn/english/features/book/194485.htm>.
49. Чжунго гофан бао. 2014. 3 июня.
50. URL: http://china.caixin.com/2012-11-08/100458021_all.html#page6.
51. URL: <http://top.rbc.ru/economics/04/03/2011/553681.shtml>.
52. URL: <http://www.kommersant.ru/doc-y/1887361>.
53. Ежегодник СИПРИ 2011: вооружения, разоружение и международная безопасность / пер. с англ.; Институт мировой экономики и международных отношений РАН. М., 2012. С. 201, 202.
54. РИА Новости. 05.03.2013.
55. URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/news/view/88366/>
56. Чжунго тунци чжайяо — 2013. Пекин, 2013. С. 187; URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2014-03/16/content_31799017.htm.
57. The Military Balance. 2014 / By The International Institute For Strategic Studies. London. 2014. URL: <http://acer120.livejournal.com/2831.html>.
58. URL: <http://maxpark.com/community/4946/content/2436518>.
59. Там же.
60. Янь Сюэту. Лиши дэ гуаньсин. Вэйлай шинянь дэ Чжунго юй шицзе [Инерция истории. Китай и мир в следующие десять лет]. Пекин, 2013. С. 206–209.
61. Хартия ШОС. Ст. 1.
62. URL: <http://www.regnum.ru/news/1743223.html> (10.12.2013).